

ОТ «СТРАТЕГИИ ПРОТИВОБОРСТВА» К «СТРАТЕГИИ УПРАВЛЕНИЯ»

А.И. Подберёзкин
DOI 10.24833/2071-8160-2017-1-52-7-20

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье предпринята попытка представить новое видение стратегического развития Российской Федерации. Автор отмечает, что необходим поиск стратегии на метауровне анализа, которая бы учитывала не только военно-политический контекст обеспечения национальной безопасности, но и интересы развития России, что рассматривается как элемент долгосрочного сокращения неопределённости в процессе стратегического планирования.

Автор отмечает, что нынешняя военно-политическая стратегия России базируется на достаточно старой идее сдерживания. Эта стратегия реактивна по своей природе и подразумевает реагирование на внешние вызовы и угрозы в международно-политической среде. Между тем мировой политической ландшафт претерпевает существенные трансформации, в рамках которых ключевым аспектом обеспечения национальной безопасности станет связанность широкого спектра политических возможностей с дальнейшим развитием государства и общества.

Ещё один недостаток стратегии сдерживания или стратегии противоборства заключается в том, что в данной концептуальной рамке не проводится различие между угрозами в отношении национальных интересов и угрозами в отношении политических целей. Автор предлагает свой вариант концептуализации данного терминологического и сущностного различия, приводит оценку последствий непонимания таких различий.

В качестве альтернативы стратегии сдерживания предлагается «стратегия управления», которая нацелена на системное формирование перспективных направлений развития общества. Ключевым элементом этой стратегии является формирование и поддержание национального человеческого капитала, который обеспечивает связанность, адаптивность и инновационность различных подходов к противодействию внешним вызовам. «Стратегия управления» подразумевает интенсификацию государственной политики в области науки, культуры, поощрения духовного развития и опережающего производства инноваций.

Ключевые слова: стратегия, сдерживание, стратегия управления, национальный человеческий капитал, интерес, политическая цель.

УДК 35

Поступила в редакцию 02.11.2016 г.

Принята к публикации 08.02.2017 г.

Стремительно меняющаяся международная обстановка (МО) во втором десятилетии XXI в. ставит совершенно по-новому важнейшие вопросы, связанные с формированием соответствующей политики стратегии национальной безопасности не только России, но и других ведущих государств-участников, формирующих систему международных отношений. Следует в этой связи, прежде всего, понимать, что эти изменения – во многом следствие ещё более масштабных изменений в развитии всей человеческой цивилизации и отношений между её частями – локальными человеческими цивилизациями (ЛЧЦ). Они вызваны переходным периодом от одной общественно-экономической формации и технологического уклада к другой.

Естественно, для любого периода в мировом развитии и развитии отдельных государств необходима стратегия – комплексное видение развития, учитывающее цели, а также имеющиеся силы и средства. Д. Джорджиу и Л. Харпер полагают, что для выработки такой стратегии необходим технологический анализ, ориентированный на будущее (англ. Future-oriented Technological Analysis). Сущность такого анализа состоит в определении перспективных отраслей развития и в параллельном обеспечении развития интеллектуального потенциала, соответствующего поставленным задачам [8]. В. Келлер отмечает, что в будущем важнейшей социальной, экономической и политической характеристикой, над которой необходимо будет работать любому государству, станет способность к усвоению и освоению инноваций и новых подходов [10]. М. Белл полагает, что такую способность общества обеспечивают так называемые «системы знания», то есть комплекс научных, культурных, духовных и иных основ развития личности [6]. Это актуально и для военной стратегии, где происходит постепенный пересмотр содержательных аспектов обеспечения безопасности, размывание существующих подходов ведущих держав к формированию долгосрочной военно-политической стратегии [7; 11].

Переходный период неизбежно ведёт к самым радикальным изменениям в социальной и политической областях, включая, естественно, отношения между субъектами и акторами, формирующими международную и военно-политическую обстановку (МО и ВПО). Формируется не только новая международная реальность, но и качественно новые парадигмы политического, военного, общественного и экономического развития. Иными словами, смена технологического и экономического укладов неизбежно ведёт к политическим, социальным и военным качественным переменам и трансформациям в отдельных областях человеческой жизнедеятельности.

Причём, во-первых, совершенно не обязательно этот процесс перехода от одной формации и системы МО завершится заведомо успешно: в XVI–XVIII вв. в ряде стран он закончился положительно, но до этого – в начале тысячелетия, – в Римской империи, он отнюдь таковым не оказался, чему справедливо соответствуют разные уровни качества управления и разные качества правящих элит (у которых, кстати, и судьба тоже оказалась разная). Другими словами, от

качества правящих элит и эффективности управления, видимо, зависит сама возможность перехода цивилизаций из одного состояния в другое. Естественно, что как первое, так и второе прямо относятся к эффективности стратегии национальной безопасности того или иного субъекта МО вообще и России в частности.

Во-вторых, такой переход неизбежно связан с радикальными изменениями и трансформациями в существовавшей системе международных отношений – экономической, технологической, финансовой и военной. Поэтому он не может быть плавным, безболезненным, бесконфликтным. А раз так, то в условиях повышенной конфликтности и рисков стремительно возрастает роль силовых инструментов, прежде всего, военных, а вероятные сценарии развития отношений приобретают откровенно силовой характер.

Всё это означает, что правящие элиты государств должны тщательно и очень оперативно анализировать и прогнозировать развитие подобных сценариев и своевременно вносить коррективы в свои стратегии национальной безопасности, внешней политики и военные доктрины, а также доктрины информационной безопасности и стратегии научно-технологического развития [4]. Примечательно, что о последнем, самом важном в условиях переходного периода документе (принятом одновременно с другими) до сих пор почти ничего не говорилось. А зря, ведь именно от успеха его реализации, как увидим ниже, в наибольшей степени будет зависеть национальная безопасность России в условиях переходного периода от одной экономической, технологической и общественно-политической формации к другой, ибо условия такого перехода будут предопределяться научно-технологическими особенностями.

Стратегия национальной безопасности России конкретизируется в целом ряде документов, которые, как известно, концептуально именно так и выстраивают последовательность принятия и логику этих документов, предполагая максимально полные, конкретные ответы на основные вопросы обеспечения безопасности. Так, в новой редакции Концепции внешней политики России говорится о том, что «В целях обеспечения национальных интересов и реализации стратегических национальных приоритетов... внешнеполитическая деятельность направлена на выполнение следующих основных задач:

- а) обеспечение безопасности страны, её суверенитета и территориальной целостности, укрепления правового государства и демократических институтов;
- б) создание благоприятных внешних условий для устойчивого роста и повышения конкурентоспособности экономики России... и т.д., вплоть до подпункта «л» [1].

Между тем это традиционное определение приоритетов вызывает вопросы принципиального характера, непосредственно влияющие на приоритеты национальной безопасности. Вот лишь некоторые из них:

1. В условиях борьбы за сохранение национальной идентичности и системы ценностей не являются ли они наиболее приоритетными целями?

2. Так ли уж важен приоритет «укрепления правового государства» и «демократических институтов» для целей национальной безопасности? Не важнее ли «традиционные ценности» и «национальные институты»?

3. Вряд ли можно согласиться, когда на самом высоком по приоритетности месте внешней политики ставятся задачи «устойчивого роста» и «конкурентоспособности».

Именно поэтому представляется важным рассмотреть некоторые наиболее сложные вопросы обеспечения национальной безопасности в комплексе, системно, прежде всего, потому, что они выступают наиболее общими и системными вопросами. К числу таких наиболее актуальных вопросов, относящихся не только собственно к Стратегии национальной безопасности, но и вытекающим из неё концепциям и доктринам, на мой взгляд, следует отнести следующие:

– формирование стратегии национальной безопасности базируется на оценке и прогнозе только внешних и внутренних угроз и внешних опасностей или на анализе и долгосрочном прогнозе национальных интересов? Насколько обоснованы интересы национальной безопасности и их приоритетность с точки зрения необходимости их безусловной защиты?

– защита от внешних угроз (или отстаивание интересов) происходит исключительно ответными средствами противоборства (стратегического сдерживания) или выбором такой стратегии поведения, при которой реакция на эти опасности и угрозы может быть самая разная, вплоть до игнорирования некоторых мнимых опасностей и потребностей противоборства? Иначе говоря, стратегическое сдерживание может включать в себя набор не только оборонительных, но и наступательных действий, активных мероприятий и других шагов для защиты интересов безопасности?

– каким образом эффективно защититься России от внешних опасностей и угроз (или отстоять национальные интересы), обладая заведомо более слабыми ресурсами и возможностями, когда анализ соотношения сил в настоящее время и в будущем категорически не в нашу пользу? И какие интересы являются наиболее приоритетными, требующими защиты прежде всего?

– наконец, что будет означать в будущем для России успешная (эффективная) стратегия национальной безопасности? Только ли, как это говорится в Стратегии, защита суверенитета, территориальной целостности, прав и свобод, или, прежде всего, национальной идентичности и системы ценностей?

Стратегическое сдерживание или стратегическое управление в условиях переходного периода?

Сегодня Стратегия национальной безопасности Российской Федерации основана на концепции стратегического сдерживания, предполагающей своевременные и эффективные ответные действия с использованием всего спектра средств – политических, экономических информационных и военных для

предотвращения и отражения агрессии [13]. Эта концепция, безусловно, отражает определённый уровень современного состояния МО и ВПО и современное понимание правящей элитой поведения России в этих условиях. В течение почти двух десятилетий в мире сохранялась одна (не слишком ответственная) сверхдержава, нарастали региональные противоречия, размывались традиционные военно-политические союзы, но большой прогресс в сборе информации и нехватка новых подходов к стратегическому планированию в какой-то мере сдерживали негативные тенденции [9, с. 249-257]. Но классическое сдерживание уже невозможно: появились малые «ядерные державы», которые действуют в абсолютно другой логике, да и у России недостаточное число военных союзников, чьё присутствие позволяет снижать угрозу прямого нападения в условиях сдерживания [7, с. 48-50]. Наконец, ситуация в мире стремительно осложняется, что подтверждается её опасным и стремительным развитием в последние годы, позволяя делать вывод о сползании к военно-силовому сценарию уже сегодня.

Ситуация меняется качественно в самых различных областях, осложняя традиционные и создавая новые опасности и угрозы, что хорошо видно на примере такого ставшего уже традиционной угрозой феномена как международный терроризм, который в действительности в последние годы превратился в средство политики западной военно-политической коалиции и локальной цивилизации (ЛЧЦ). Причём если прежде такие специальные операции тщательно скрывались, то сегодня они стали политической реальностью, о которой говорят (например, как о поддержке США ИГИЛ) открыто официальные лица на уровне госсекретаря и министра обороны США.

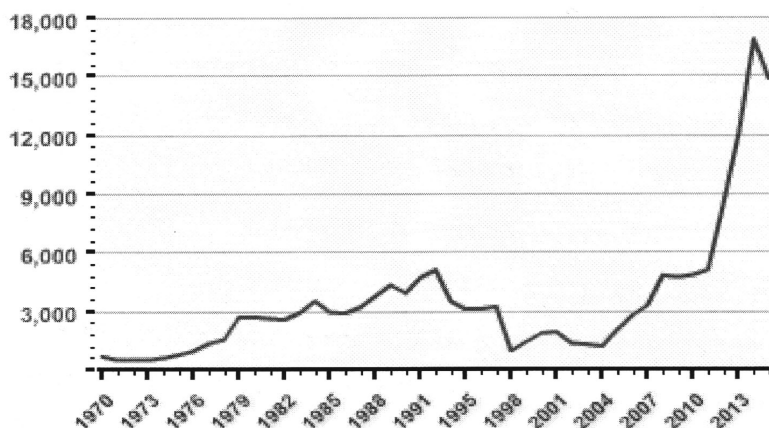

Рис. 1. Количество террористических атак за 1970-2015 гг.

Fig. 1. Number of terrorist attacks, 1970-2015.

К сожалению, надо исходить из того, что примеров международного сотрудничества, даже по наиболее актуальным проблемам, становится всё меньше, а

причин для военно-силовой конфронтации – всё больше. Соответственно и вероятность военно-силовых сценариев стремительно растёт. Другое дело, какие конкретные формы приобретают эти сценарии в условиях одновременного усиления рисков использования военной силы в прямой форме. Предупреждения экспертов относительно современной стратегии «удушения» России, которые, к сожалению, пока не стали поводом для серьёзной публичной дискуссии о стратегии развития и национальной безопасности России в XXI в. Дискуссии в СМИ ограничились незначительными спорами о социально-экономической политике России и бюджете страны. Из них стало ясно, что военный бюджет России будет сокращён в 2017 г. на 190 млрд рублей (что не коснётся программ ВВСТ), а поддержка военных возможностей в будущем, по словам В.В. Путина и С.К. Шойгу, сохранится на современном уровне [2].

Между тем остались в стороне многие вопросы, от которых зависит само будущее существование нации и государства. Не случайно в Послании Президента Федеральному Собранию России 1 декабря 2016 г. В.В. Путин сделал многозначительное заключение: «...мы создали базу для дальнейшего движения вперед... мы думали над повесткой развития и обеспечивали её. И сегодня именно эта повестка становится главной, выходит на первый план» [3]. Значение этих вопросов обостряется при сохранении абсолютного экономического и технологического превосходства западной ЛЧЦ, которое не только превышает современные возможности России в десятки раз, но и;

- прогнозируемо сохранится в обозримом будущем;
- может увеличить ещё больше при сокращении военных издержек западной ЛЧЦ относительно своего ВВП;
- будет сопровождаться продолжающимся увеличением научно-технологического отставания России.

В этих условиях продолжение стратегии противоборства в форме стратегического сдерживания представляется малоперспективным. Меняется содержание и понимание безопасности, старые стратегии не охватывают новые стратегические вопросы [11, с. 223-227]. Необходима такая стратегия, которая смогла бы обеспечить выживание и развитие нации в переходный период. Такой стратегией может стать «стратегия управления», в основе которой лежат не ответные меры на внешние вызовы, опасности и угрозы, а защита и продвижение базовых интересов и ценностей нации. Стратегии «стратегического сдерживания» и «стратегического управления» принципиально отличаются друг от друга. В том числе и своими базовыми моделями, которые подробнее рассмотрим ниже.

Модель традиционной политики стратегического сдерживания

Модель политики стратегического сдерживания представляет собой традиционную, классическую модель политики, существующую в мире уже не одно

столетие. Её главной характерной чертой является соотношение политических целей и средств политики (а также способов их использования), которые достаточно субъективно определяются правящими элитами государств.

Именно таковой является современная стратегия противоборства России, получившая название «стратегическое сдерживание». Эта стратегия предполагает, что в зависимости от степени внешней угрозы формируется Стратегия национальной безопасности, Военная доктрина и Концепция внешней политики, хотя в тексте самого документа и признается, что под угрозой национальной безопасности понимается «совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам». Другими словами, внешние опасности и угрозы политическим целям нередко воспринимаются как угрозы национальным интересам.

Провести различия между угрозами интересам и политическим целям принципиально важно – далеко не всегда то, что кажется серьёзной угрозой, может оказаться таковой. Так, с точки зрения реальных национальных интересов, многие политические цели окажутся второстепенными: если исходить из приоритета развития национального человеческого капитала (НЧК) и его институтов, то структура бюджетов всех уровней власти должна быть, как минимум, изменена в их пользу. Но не только финансовые, но и другие ресурсы должны быть перераспределены в пользу наиболее важных приоритетов, среди которых в современной Стратегии называют «укрепление обороны страны, обеспечение незыблемости конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности»,... и только в самом конце этого длинного перечня указываются приоритеты НЧК и институтов его развития («... повышения качества жизни, укрепления здоровья населения, обеспечения стабильного демографического развития страны...») [8].

Оценки масштабов опасностей и угроз являются критически важными для принимаемых решений и выбора средств и способов противодействия. Именно такие оценки и прогнозы лежат в основе современной политики стратегического сдерживания, а не интересы, выстроенные в строго приоритетном порядке.

Стратегия управления

Совершенно по-иному происходит со стратегией управления, которая основывается не на приоритете опасностей и угроз, а на приоритете защиты и продвижения национальных интересов и ценностей. Приоритетное развитие и продвижение интересов и ценностей является высшей целью политики, и главным «потребителем» национальных ресурсов, а также в конечном счёте главным средством влияния на формирование МО. Политика государства превращается в политику нации.

В любой стратегии, как известно, ключевое значение имеют доступные и потенциальные ресурсы. При этом в разные периоды развития человечества и

в разных условиях значение тех или иных ресурсов в политике меняется. В современных условиях огромное значение для обеспечения безопасности нации и государства, например, имеют не только военные возможности, но и силовые средства экономического, политико-дипломатического, информационного и иного характера. Большое значение в формировании таких средств играют не только производственные системы, но и «системы знания», которые на системном уровне позволяют реагировать на вызовы, обновлять «несущие конструкции» экономики, заимствовать успешный опыт, оценивать возможности и развилки на пути развития государств, обществ и экономик [6, с. 1722-1727; 12, с. 67-72]. В этой связи принципиально важно понимать, что распределение в соотношении сил стран и коалиций по их политическим, военным, информационным и экономическим потенциалам в мире в будущем будет зависеть, прежде всего, от двух групп факторов:

– от **качества национального человеческого капитала**, который, в свою очередь преимущественно формируется:

- уровнем образования;
- уровнем творческих возможностей (креативности);
- уровнем науки, технологии;
- уровнем душевого ВВП;
- продолжительностью жизни;

– от **качества институтов развития человеческого капитала** во всех секторах деятельности и управления, а именно:

- в государственном управлении;
- бизнес-управлении;
- управлении и степени развития общественных институтов;
- развитием самоуправлении личности.

К сожалению, нынешняя стратегия социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности не соответствует этим требованиям. Развитие НЧК и его институтов не является главным интересом ни стратегии социально-экономического развития, ни стратегии национальной безопасности. Более того, и первая, и вторая делают опережающее развитие этих групп факторов недостижимой мечтой.

Не является решением и политика «импортозамещения», основанная на закупке иностранных технологий. Покупая, например, иностранную компьютерную программу или технологическое оборудование вы покупаете не технологию, а зависимость от иностранного производителя. Настоящие технологии создаются в стране или передаются от человека к человеку. Так было, например, в 30-е гг. прошлого века, когда западные специалисты приезжали в Советскую Россию и передавали свой опыт советским инженерам и рабочим.

Традиционные показатели и критерии влияния субъектов МО (ВВП, численность населения, Вооруженные силы и т.д.) будут занимать постепенно всё менее важное место.

Прогнозируя будущее соотношение сил в мире, требуется учитывать стремительно усиливающееся влияние именно этих факторов, которое к 2030 г. разделит всех субъектов и акторов МО в мире на три неравные группы:

Группа субъектов и акторов МО № 1: группа стран, обладающих развитой национальной научно-инновационной системой, способной самостоятельно развивать основные направления науки, техники и технологий, в которую смогут войти несколько стран-лидеров.

Группа субъектов МО № 2: группа стран, способных использовать достижения научно-технического прогресса (приобретая, покупая, воруя и пр.).

Группа субъектов МО № 3: группа стран, не использующая либо слабо использующая достижения техники и технологии субъектов из группы № 2.

Соответственно основное внимание в социально-экономическом развитии и стратегии национальной безопасности требуется уделить именно двум группам факторов: способность самостоятельно развивать и использовать основные направления науки, техники и технологий. Именно в этих направлениях должны быть сконцентрированы все основные финансовые, материальные, информационные и административно-организационные ресурсы. Впервые категорично об этом президент России заявил 1 декабря 2016 г. в послании Федеральному Собранию.

Примечательно, что именно такую стратегию избрали Соединённые Штаты в период второго срока управления Б. Обамы.

Так, если рассмотреть все расходы федерального бюджета США, то собственно на безопасность планируется потратить 25% из 3 трлн долл. расходов федерального бюджета, а подавляющая часть так или иначе направляется на развитие НЧК США – прямо (образование, здравоохранение и т.п.), либо косвенно (пенсии и т.п.). При этом собственно военная доля этих расходов относительно ВВП постоянно снижается.

Традиционная стратегия отношений между государствами в МО и ВПО на протяжении тысячелетий исходила из базовых положений силового, прежде всего военного противоборства. На первое место, как правило, выносилось соотношение сил (военных, финансовых, экономических), которое и предопределяло исход противоборства. В соотношение сил вносило поправку умение политиков и военное искусство военачальников, которые могли повлиять на результат противоборства.

В XX в. Россия прошла несколько этапов в развитии стратегии противоборства, которые отличались друг от друга прежде всего инициативой и выбором места, средств и способов противоборства. Так, русско-японская и Первая мировая война явились для России по своей сути вынужденными, она была спровоцирована и втянута в эти войны, получив отрицательный результат.

Наоборот, активная политика СССР в 30-е и 40-е гг. в мире, которая определялась собственной, а не навязанной, стратегией, дала фантастические результаты – формирование просоветской политико-экономической системы в мире. Со

второй половины 70-х гг. СССР и его союзники вновь вступили в фазу «пассивного противоборства» – борьбы за права человека и т.п., – которая в итоге привела М. Горбачёва и Б. Ельцина к окончательному подчинению воле противника.

К сожалению, и сегодня мы медленно отходим от этого алгоритма поведения, выстраивая свою стратегию, прежде всего, из оценок внешних опасностей и угроз, а не национальных интересов.

В XXI в. для России наступило время, когда необходимо перейти от «стратегии противоборства» к «стратегии управления», от состояния постоянной борьбы и противостояния с вызовами и угрозами противника, к стратегии улучшения условий для выживания и опережающего развития нации. Разница между этими двумя стратегиями – принципиальная, хотя «стратегия управления», безусловно, и включает в себя весь спектр средств и способов противоборства. Но – и в этом её принципиальное отличие – «стратегия управления» ими не ограничивается и не исходит из их приоритетности.

Ключевое отличие двух стратегий заключается в том, что при противоборстве сила, средствам и способам противника противопоставляются свои, а при управлении субъект создает и развивает свою систему приоритетов, выбирая свои средства и способы. Управление, как принцип стратегии, исходит из отрицания абсолютизации не только военного, но и силового превосходства. Использование искусства «парадокса», т.е. создание своей системы национальной безопасности и соответствующей стратегии, которая не основывается на необходимости поддержания равновесия или даже асимметричности в ВВСТ и ВС или других областях использования силы государством.

«Победа» в результате противоборства всегда связана с огромными жертвами и потерями. Колоссальные победы СССР в XX в. – включали его огромные демографические и материальные потери, которые рассматривались в качестве неизбежной платы. В любом смысле такая «победа» не в интересах России и её главного приоритета – национального развития.

Управление – как альтернативная стратегия

«Стратегия управления» основана на чётком представлении о национальных приоритетах и соответствующих целях, а не на внешних вызовах и угрозах, которые нередко не имеют прямого (а, иногда, даже косвенного) отношения к национальным интересам, либо могут иметь отсроченный, второстепенный характер. Более того, такая стратегия ориентирована на перспективу – на поддержание и поощрение тех технологических секторов и «систем знания», которые в среднесрочной и долгосрочной перспективе могут дать существенные преимущества [8]. Примеров ложных вызовов и угроз, как и примеров недооценённых интересов в истории России можно привести немало. Так, на мой взгляд, не в интересах России были ложно понятые Александром I угрозы со стороны Наполеона после его изгнания из России. Кутузов был прав, когда не спешил переходить границу

и отправляться в «европейский поход», спасая Австро-Венгрию и Пруссию, которые во время Крымской войны оплатили России неблагодарностью. Если бы Россия поступила иначе, то, вероятно, Англия и Франция ещё долго воевали бы друг с другом, развязав руки России в Средиземном море и Средней Азии.

На мой взгляд, И. Сталин также слишком спешил с освобождением Европы, где СССР только в Польше потерял 400 000 человек, а тем более с операцией в Арденнах, помогая союзникам, которые до этого не спешили помогать СССР ни в 1941, ни в 1942 гг.

В современный период абсолютно не соответствовало интересам СССР разрушение Социалистического содружества (СЭВ и ОВД), а затем и самого государства, которые были «мотивированы» угрозами демократии и т.п.

Одно из важных условий «стратегии управления» заключается в том, чтобы рассматривать потенциальную внешнюю опасность или угрозу как благоприятную предпосылку или даже возможность для повышения эффективности собственной стратегии. Речь идёт не просто об асимметричности ответных действий, а о возможностях использования гораздо более широкого диапазона средств и действий:

- ответных действий;
- нейтрального отношения;
- «включения» в процесс.

При выборе любого вида действий, однако, необходимо обязательно исходить не из необходимости автоматического ответа, а из собственных интересов и собственной стратегии. Так, например, с этой точки зрения далеко не все переговоры по ограничению и сокращению вооружений являются благом для России. Если исходить из того, что затраты на СНВ и ВКО составляют не более 20% военного бюджета, а гарантируют сохранение суверенитета и контроля, то необходимы ли нам вообще эти переговоры?

Можно допустить, что переговоры могут быть полезны в области ограничения вооружённых сил на море, но именно там наши потенциальные противники их никогда и не будут вести потому, что их превосходство, как минимум, в несколько десятков раз больше.

«Стратегия управления» и ликвидация неравенства в соотношении сил российской и других ЛЧЦ

«Любая политика начинается с анализа соотношения сил» – это классическое высказывание приписывается В.И. Ленину. В определённой степени оно сохраняет свою актуальность и сегодня, если только его не абсолютизировать и не рассматривать в качестве принципа для количественных сравнений и сопоставлений (что очень любят делать современные экономисты, наивно полагающие, что наука начинается с попыток количественного анализа). Для политических целей такой метод опасен потому, что нередко вводит сознательно в

заблуждение: почему-то то и дело побеждают слабейшие, а то и вообще те, кого и в расчёт не принимали.

Если исходить из интересов «стратегии управления», то для России высшим приоритетом является развитие национального человеческого капитала (НЧК). Развитие данной разновидности политического капитала позволит выровнять ситуацию в технологической сфере, повысить инновационность страны в целом [10, с. 220-221]. Следует в обязательном порядке и Стратегию национальной безопасности России формировать исходя не из опасностей и угроз (как это сделано в существующей Стратегии), а из интересов развития НЧК России. В этом случае совершенно по иному будут выглядеть и другие базовые документы, на которых основаны внешняя и военная политика государства – Концепция внешней политики и Военная доктрина России.

С точки зрения стратегии управления, наиболее приоритетными задачами внешней политики являлись бы:

а) сохранение и опережающее развитие нации, её идентичности, системы ценностей и культурного, духовного наследия, национальных институтов, включая государственные и общественные, и качество национального человеческого капитала;

б) обеспечение лидирующих позиций российской науки, культуры, образования и технологий, опережающее развитие на их основе экономики и общественных институтов;

в) содействие российскому культурно-идеологическому лидерству в мире, концентрации вокруг этого лидерства прогрессивных сил;

г) укрепление позиций России в мире в качестве центра силы в области науки, духовности, культуры и образования.

Список литературы

1. Концепция внешней политики внешней политики Российской Федерации (Утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 30 ноября 2016 г.) // МИД России. 01.12.2016. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 17.02.2017).
2. Прокопенко А. Минфин предлагает сократить военные расходы на 6% // Ведомости. 09.09.2016. URL: <http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/09/09/656321-minfin-voennie-rashodi> (дата обращения: 17.02.2017).
3. Послание Президента Федеральному Собранию. 1 декабря 2016 года // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53379> (дата обращения: 17.02.2017).
4. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации // портал СНТР. URL: <http://sntr-rf.ru/upload/iblock/dc8/Указ%20Президента%20РФ%20о%20Стратегии%20научно-технологического%20развития%20Российской%20Федерации.pdf> (дата обращения: 17.02.2017).
5. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. (Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г) // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/40391/print> (дата обращения: 17.02.2017).
6. Bell M. Knowledge Systems and Technological Dynamism in Industrial Clusters in Developing Countries // World Development. 1999. Vol. 27. No. 9. Pp. 1715-1734.
7. Freedman L. Framing Strategic deterrence. Old Certainties, New Ambiguities // The RUSI Journal. 2009. Vol. 154. No 4. Pp. 46-50.

8. Georghiou L., Harper J.C. Rising to the challenges — Reflections on Future-oriented Technology Analysis // *Technological Forecasting and Social Change*. 2013. Vol. 80. No 3. Pp. 467–470.
9. Gray C.S. Deterrence in the new strategic environment // *Comparative Strategy*. 1992. Vol. 11. No 3. Pp. 247-267.
10. Keller W. Absorptive capacity: On the creation and acquisition of technology in development // *Journal of Development Economics*. 1996. Vol. 49. Pp. 199-227.
11. Mihăilă V. Security Branding and National Security. Concepts at Work // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol.187. Pp. 424-428.
12. Rinne M. Technology roadmaps: Infrastructure for innovation // *Technological Forecasting and Social Change*. 2004. Vol. 71. No. 1-2. Pp. 67-80.
13. Ven Bruusgaard K. Russian Strategic Deterrence // *Survival*. 2016. Vol. 58. No. 4. Pp. 7-26.

Об авторе:

Алексей Иванович Подберёзкин – д.и.н., профессор кафедры всемирной и отечественной истории, директор Центра военно-политических исследований МГИМО МИД России. 19454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76. E-mail: vestnik@mgimo.ru.

CALL FOR A NEW NATIONAL SECURITY STRATEGY: GOVERNING THE FUTURE INSTEAD OF DETERRING IT

A.I. Podbereskin
DOI 10.24833/2071-8160-2017-1-52-7-20

Moscow State Institute of International Relations (University)

The article attempts to present a new vision for the strategic development of the Russian Federation. The authors note that the search for strategy should be made on the meta-level analysis in order to take into account either the military and political context of national security or the future interests of Russia. This allows one to reduce uncertainty in the strategic planning process.

The author notes that the current military-political strategy of Russia is based on a fairly old idea of deterrence. This strategy is reactive in nature and involves responding to external challenges and threats in the international political environment. Meanwhile, the global political landscape is undergoing a significant transformation, in which a key aspect of national security will be a wide range of connectivity options to further political development of the state and society.

Another disadvantage of deterrence strategy is that the threats are not differentiated from national interests and political goals. The author offers his version of the conceptualization of the terminology and the essential differences of different types of threats and assess the consequences of misunderstanding such differences.

As for the strategy of deterrence, the authors suggest an alternative strategy of “control”, which aims at the formation of a systemic perspective directions of development of the society. A key element of this strategy is the forging and maintenance of the national human capital, which provides connectivity, adaptability and innovationability of various branches

of the governance and dealing with external challenges. "Control" means an intensification strategy of the state policy in the field of science, culture, the promotion of spiritual development and production of advanced innovation.

Key words: strategy, deterrence, management strategy, the national human capital, interest, political goal.

References

1. Kontsepsiia vneshnei politiki vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii (Utverzhdena Prezidentom Rossiiskoi Federatsii V.V.Putinyam 30 noiabria 2016 g.). [Russian Foreign Policy Conception]. *MID Rossii*, 01.12.2016. Available at: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (Accessed 17.02.2017). (In Russian)
2. Prokopenko A. Miñfin predlagaetsokratiť voennye raskhody na 6% [Russian Ministry of Treasury proposes 6% military budget cut]. *Vedomosti*, 09.09.2016. Available at: <http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/09/09/656321-minfin-voennie-rashodi> (In Russian)
3. Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniuu. 1 dekabria 2016 goda [President's Address to Federal Assembly]. *Prezident Rossii*. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/53379> (In Russian)
4. Strategiiia nauchno-tekhnologicheskogo razvitiia Rossiiskoi Federatsii [Strategy of Science and Technology Development in Russian Federation]. *SNTR portal*. Available at: <http://sntr-rf.ru/upload/iblock/dc8/Ukaz%20Prezidenta%20RF%20o%20Strategii%20nauchno-tekhnologicheskogo%20razvitiia%20Rossiiskoi%20Federatsii.pdf> (In Russian)
5. Strategiiia natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii. (Utverzhdena Ukazom Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 31 dekabria 2015 g.). *Prezident Rossii*. Available at: <http://kremlin.ru/acts/bank/40391/print> (In Russian)
6. Bell M. Knowledge Systems and Technological Dynamism in Industrial Clusters in Developing Countries. *World Development*, 1999, vol. 27, no. 9, pp. 1715-1734.
7. Freedman L. Framing Strategic deterrence. Old Certainties, New Ambiguities. *The RUSI Journal*, 2009, vol. 154, no. 4, pp. 46-50.
8. Georghiou L., Harper J.C. Rising to the challenges—Reflections on Future-oriented Technology Analysis. *Technological Forecasting and Social Change*, 2013, vol.80, no. 3, pp. 467–470.
9. Gray C.S. Deterrence in the new strategic environment. *Comparative Strategy*, 1992, vol. 11, no. 3, pp. 247-267.
10. Keller W. Absorptive capacity: On the creation and acquisition of technology in development. *Journal of Development Economics*, 1996, vol. 49, pp. 199-227.
11. Mihăilă V. Security Branding and National Security. Concepts at Work. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 2015, vol.187, pp. 424-428.
12. Rinne M. Technology roadmaps: Infrastructure for innovation. *Technological Forecasting and Social Change*, 2004, vol. 71, no. 1-2, pp. 67-80.
13. Ven Bruusgaard K. Russian Strategic Deterrence. *Survival*, 2016, vol. 58, no 4, pp. 7-26.

About the author:

Alexei I. Podberezkin – Doctor of Economics, professor of world and national history, director of the Center for Military and Political Studies of the Russian Foreign Ministry MGIMO. 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia. E-mail: vestnik@mgimo.ru.